

С. Позднышев

Этапы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Позднышев**
Этапы / С. Позднышев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 126 с.

ISBN 978-5-517-98036-6

ISBN 978-5-517-98036-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

вича, Царя Освободителя, Царя Миротворца, Царя Мученика и Сонма наших Святителей, ничего не говорят нашему русскому сердцу?

Развѣ не бесконечно выше и прекраснѣе всѣхъ лозунговъ революціи благородныхъ, великія слова манифеста Императора Александра II:

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»... «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

Развѣ это не святыя слова нашего благороднаго Царя Мученика, сказанныя имъ уже тогда, когда тяжелый черный крестъ давилъ на его плечи всею своею непомерною тяжестью:

«Нѣтъ такой жертвы, которой бы я не принесъ для блага Россіи»...

Съ радостью мы видимъ въ наши дни, что ложь уже теряетъ свою плѣнительную силу, что правда рветъ оковы, близится разсвѣтъ и уже несется по всему Зарубежью предутренній русскій кличъ: «пора, пора сомкнуть ряды; пора стѣною тѣсною, крѣпкой стать у трона».

И развѣ мы не видимъ, не чувствуемъ, что

«... свѣтъ звѣзды кровавой

Въ туманномъ сумракѣ блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ,

Невидимый глазамъ, встаетъ орелъ двуглавый

Въ сердцахъ людей, въ величій своемъ»...

И въ тотъ благословенный мигъ, когда загорится снова на русскомъ небѣ «звѣзда сѣверная» — орелъ двуглавый, мы переживемъ самый свѣтлый, величайшій день.

Ибо Царь православный есть носитель высшей правды на землѣ — правды Божіей, отецъ подданныхъ, олицетвореніе закона, справедливости, милосердія, истинной свободы и христіанской любви.

Онъ принесетъ съ собою свѣтъ и радость, счастье и довольство, раскрѣпощеніе и свободный трудъ. Онъ освободитъ народъ отъ рабства, нищеты, насилія и отъ завоеваній революціи: безправія, беззаконія, безчестія и безбожія.

Русская земля обильно напоена кровью мучениковъ, кровью миллионовъ неповинныхъ людей. И на этой святой крови, какъ на крови Богочеловѣка, возродится Святая Русь. Черезъ великія страданія она придетъ къ Воскресенію.

И хочется мигъ закончить эти строки словами торжественныхъ церковныхъ пѣснопѣній, что поетъ православная христіанская Русь въ свѣтлую пасхальную ночь: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». «Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ».

И с х о д ь

Стояли ненасытные, угрюмые, послѣдніе дни Октября 1920 г. Красные волны бились у Перекопа, перебрасывались черезъ валь и катились кровавымъ смерчемъ къ югу. Грозный ходъ событій неумолимо приближалъ катастрофу. Съ каждымъ часомъ нарастала тревога; съ каждымъ новымъ «слухомъ» обострялось отчаяніе.

Какъ будто рыдала развѣтрившаяся, похолодѣвшая природа и плакала сырým осеннимъ дождемъ. И вмѣстѣ съ ней рыдали въ отчаяніи люди и металась въ смертельной тоскѣ и не знали, что дѣлать, какъ быть, что предпринять.

А на фронтѣ Бѣлая Армія, — все, что осталось честнаго, истекая кровью, билась въ неравномъ бою за послѣдній клочокъ русской земли, за право и правду. Бились, какъ львы, безъ надежды на помощь, безъ мысли о почестяхъ и наградахъ. Наградой была одна смерть. Смерть, какъ избавленіе. Они творили живую легенду; крылатую легенду героевъ, которая будетъ вѣчно носиться по степямъ, полнымъ ихъ благородной кровью, надъ ихъ безвѣстными могилами.

«Если вѣрность Отчизнѣ есть преступленіе, —

Мы жаждемъ смерти, мы стоимъ ея»..

Шагъ за шагомъ воины бѣлой идеи, бѣлой прекрасной мечты о Великой, Единой и Недѣлимой Россіи отходили къ черноморскимъ портамъ, оставляя кровавый стѣдъ и убитыхъ товарищей. Мечта разбита. Живое умерло. Самая благороднѣйшая, безкорыстная идея «родина» не смогла зажечь обмертвѣвшей русской души. Не загудятъ навстрѣчу героямъ сладкозвучные Кремлевскіе колокола. Не встрѣтять ихъ съ хлѣбомъ солью русскій народъ. Вѣра потеряна и гаснутъ надежды.

Сзади, за ними насаждали дикія разнузданныя орды красной отпѣтой шпаны и безчисленныя тысячи вовлеченнаго въ бунтъ, обманутаго темнаго русскаго народа. Ихъ гнали впередъ самая разнообразныя побудительныя причины.

Заманчивыя соблазнительныя обѣщанія сказочныхъ невѣдомыхъ благъ кружили простыя темныя головы. Изступленная «классовая» ненависть, библейски накаленная добѣла, находила удовлетвореніе въ бессмысленныхъ убійствахъ и разрушеніи. «Великіе идеалы» революціи сулили имъ безграничную власть и господство.

«Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ»..

Станетъ господиномъ надъ людьми; станетъ самымъ своевольнымъ кровавымъ деспотомъ. «Рожденный ползати, — летать не можетъ».

«Героическій пафосъ» и «массовый энтузіазмъ» красной арміи подогрѣвался сзади пулеметами въ затылокъ, по особой системѣ гордаго человѣка, Лейбы Троцкаго, потому что «безхвостыхъ обезьянъ» надо было поставить между возможной смертью впереди и неизбежной смертью сзади»..

Темныя грабительскіе инстинкты и еще болѣе темныя вождельнія «развратнаго грязнаго лакея» влекли впередъ эти банды «безхвостыхъ обезьянъ» къ завоеванію русскихъ городовъ подъ власть пролетаріата, чтобы досыта насладиться самыми порочными низменными страсти.

Замутилась святая древняя Русь. Поднялась со дна гнилая болотная нечисть. Подъ балаганная частушки безумная чернь справляла бунтъ «бессмысленный и беспощадный».

«Свищеть, свищеть бруновикъ,
Свищеть, словно птичка,
Мой миленокъ большевикъ,
А я большевичка...

Бѣлая Армія, черный баронъ
Снова готовятъ намъ царскій тронъ...

И если одни изъ нихъ были достойны веревки (сорная трава вырывается съ корнемъ и сжигается), то другіе, быть можетъ, многіе были достойны горькихъ словъ Спасителя: «Огче, прости имъ: они не вѣдаютъ, что творятъ».

*
**

29 октября Главнокомандующій отдалъ приказъ объ оставленіи родной земли.

«Армія прикроетъ посадку... Дальнѣйшіе пути полны неизвѣстности. Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны. Открыто, какъ всегда, предреждаю всѣхъ о томъ, что ихъ ожидаетъ.

Да исполнитъ Господь всѣмъ силы и разумъ пережить и одолѣть русское лихолѣтіе. Генераль Врангель».

30 октября, въ сѣромъ утреннемъ сумракѣ на улицахъ большнхъ черноморскихъ городовъ происходило необычайное движеніе. Молча стекались къ набережнымъ сѣрыя толпы притихшихъ людей. Ихъ окружала глухая зловѣщая тишина. Точно среди кладбища двигался этотъ людской мочалливый потокъ; точно уже вѣяло надъ этими нарядными, красивыми, оживленными нѣкогда, городами дыханіе смерти.

Надо было испить послѣднюю чашу горечи на родной землѣ. Бросить все: родныхъ и близкихъ, родительскій домъ, родныя гнѣзда, все, что было дорого и мило сердцу, все, что украшало жизнь и давало смыслъ существованію; все, все надо было бросить, похоронить, поднять крестъ на плечи и съ опустошенной душой уйти въ чужой холодный міръ на встрѣчу неизвѣстности.

Медленной поступью, мертвымъ ступодовымъ шагомъ, приростая къ землѣ, шли тысячи людей по набережнымъ и окаменѣлые, нѣмые, поднимались по трапу на корабли. Душили спазмы въ горлѣ; непрощенныя слезы катились по нежскимъ щекамъ и надрывалось у всѣхъ сердце жгучими надгробнымъ рыданіемъ. А какъ были туманны и печальны глаза въ послѣдній разъ смотрѣвшіе на родную землю!

Все кончено. «Мечутся набатныя слова: Ты ли, Русь безсмертная, мертва? Намъ ли сгинуть въ чужезномъ морѣ?»...

Прощай, мой домъ родной. Прощай Родина. Прощай Россія.

*
**

Но не всѣ ушли и не всѣ могли уйти. Одни лежали въ госпиталяхъ и не было силъ человѣческихъ ихъ вывезти. Другіе бились до послѣдней минуты, пока не скрылись въ туманѣ корабли и они остались на берегу. Третьи были рапены въ пути и не могли отступать; четвертые не захотѣли бросить близкихъ и любимыхъ; пятыхъ окружили и взяли въ плѣнъ красныя орды.

Да развѣ можно перечислить и указать, почему въ хаосѣ, въ сумасшедшей жутн тѣхъ страшныхъ дней остались въ Крыму тѣ или другіе наши братья.

И началась послѣ ухода дикая, ужасная расправа, — страшная кровавая крымская вакханалія. Палачъ, катъ, садистъ, венгерскій еврей-коммунистъ Бела-Кунъ залилъ Крымъ русской кровью. Исторія знаетъ ужасные случаи массовыхъ человѣкоубійствъ, но не было еще среди человѣчества подобной бойни.

Я приведу здѣсь живое свидѣтельство, замѣчательные по силѣ чувства стихи юноши поэта Ивана Савина, посвященные его братьямъ, разстрѣляннымъ въ Крыму и тѣмъ страшнымъ окаяннмъ днямъ. Онъ самъ пережилъ трагическое плѣненіе; оно его сломало и умеръ онъ, какъ подстрѣленный молодой соколъ, безвременной смертью.

«Ты кровь ихъ соберешь по каплѣ, мама,
И, зарыдавъ у Богоматери въ ногахъ,
Разскажешь, какъ зіяла эта яма,
Сынами вырытая въ проклятыхъ пескахъ,

Какъ пулеметь на камнѣ ждалъ угрюмо,
И тотъ, въ бушлатѣ, звонко крикнулъ: «Что начнемъ?».
Какъ голый мальчикъ, чтобъ уже не думать
Надъ ямой сталь и горло прокололъ гвоздемъ.

Какъ вырвалъ пьяный конвоиръ лопату
Изъ рукъ сестры въ косынкѣ и сказалъ «ложись»
Какъ сынъ твой старшій гладилъ руки брату,
Какъ стыла нодь ногами глинистая слизь.

И плыть разсвѣтъ ноябрьскій надъ туманомъ,
И тополь чуть желтѣлъ въ невидимомъ лучѣ,
И старый прапорщикъ, во френчѣ рваномъ,
Съ чернильной звѣздочкой на сломанномъ плечѣ,

Вдругъ началъ пѣть — и эти бредовыя
Мольбы бросать свинцовой брызжущей струй:
Всѣхъ убиенныхъ помани Россія,
Егда Приидеши во Царствіе Твое»...



Изъ Керчи, Феодосіи, Ялты, Севастополя и Евпаторіи отходили русскіе корабли, увозя на чужбину ушедшихъ въ странствіе и не славшихся.

Море бушевало. Тяжелыя черныя волны со стономъ поднимались горами и падали въ бездну волна за волной. Бился бѣшеный вѣтеръ. Пронзительно выла кругомъ, ревѣла и стонала стихія. Трещали реи, мачты, трубы; рвались канаты, дрожали и качались корабли.

Сѣрая, мутная, густая мгла заволакивала горизонтъ. Давили тяжелыя, непроницаемыя тучи. Кругомъ, вездѣ таилась, готовая поглотить, безвѣстная гибель. Безпомощные, безсильные люди были во власти слѣпой стихіи, одни среди огромнаго разбушевавашагося моря.

Жались другъ къ другу въ испугѣ женщины и дѣти и плакали молча и молча молились. Мужчины были сумрачны; глаза упрямы; порой дрожали еще черныя отъ окопной грязи руки. «Господи, дай силы, дай Твоихъ силу, а не челоувѣческихъ, преодолѣть ниспосланное испытаніе».

А понизывающая сырость леденила тѣло, проникала во всѣ поры, уташала духъ, ломала волю къ сопротивленію и вмѣстѣ съ голодомъ, грязью, скученностью и усталостью создавала тотъ послѣдній предѣлъ нравственнаго напряженія, за которымъ рвется натянутая струна. Только разъ, въ минуты роковыя, челоувѣкъ можетъ выдержать подобное нечелоувѣческое напряженіе.

И лишь одинъ на нашемъ кораблѣ — старый сѣденькій батюшка, съ мягкимъ печальнымъ взглядомъ большихъ синихъ глазъ, безстрашно ходилъ среди тѣсныхъ проходовъ, черезъ мѣшки и котомки жалкаго бѣженскаго имущества и бодрилъ своимъ видомъ и поднималъ силы. Лѣвой рукой онъ придерживалъ, висѣвшій на груди, крестъ, а правой молча благословляя и тихо молился, устремляя взоръ въ густую, воющую мглу. Молился «о плавающихъ, путешествующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ, о всѣхъ уходящихъ въ чужіе края и о спасеніи ихъ». И былъ этотъ старенькій батюшка духомъ сильнѣе всѣхъ стихій земныхъ.

ВЪ ЕДИНЕНИИ — НАШЕ СПАСЕНІЕ.

На разсвѣтѣ корабли вошли въ Босфоръ. Какъ сейчасъ, встаетъ передо мною въ золотисто-розовомъ, прозрачномъ туманѣ сказочный, древній городъ

Цареградъ. Уже на зарѣ золотого дѣтства онъ воражалъ наше воображеніе разсказами о красотѣ его и роскоши. Чудесной далекой сказкой плѣняли насъ походы на грековъ Вѣщаго Олега, Святослава и Владиміра. Потомъ мы узнали о Константинѣ Великомъ и матери его Еленѣ, о таинственномъ видѣніи креста «Симъ побѣдиши» и наконецъ о трагическихъ дняхъ, когда пала Византийская имперія и азіатскій завоеватель вѣхалъ на конѣ въ священный соборъ Айя-Софія.

Теперь — это былъ нашъ первый бѣженскій этапъ, — распредѣлительный пунктъ. Какъ лента кинематографа, развертывались передъ нами берега узкаго пролива. Большія деревня спускались почти къ самой водѣ; сияли среди нихъ бѣлой ажурной восточной красотой дворцы; высились на горахъ какія-то башни и укрѣпленія; острыми бѣлыми углами, какъ часовые, стояли минареты и амфитеатромъ поднимался многокрасочный, волшебный городъ, соединившій въ себѣ востокъ и западъ. На рейдѣ, у входа въ Золотой Рогъ, стояли сѣрыя стальные громады военныхъ кораблей французскаго и англійскаго флота.

Константинополь явился для насъ роковой переломной гранью жизни. Сзди, за этой гранью, осталась родина, русскій народъ, безпредѣльная Россія, въ которой тѣсно стало жить всѣмъ, родные очаги, братья, матери и сестры, національная святыня, храмы и монастыри, патриархальный бытъ, служба, положеніе и все достояніе. Впереди простиралась мглистая чужая даль, чужой безразличный или враждебный міръ, для котораго мы были или нежеланные гости или политическіе враги, полная неизвѣстность и никакихъ иллюзій и никакихъ мечтаній.

Сердце не хотѣло мириться съ мыслью, что все копчено, что прошлое безвозвратно потонуло въ пучинѣ революціи, что судьба обрекла насъ на изгнаніе, на тяжелую, унижительную жизнь.

Сердце еще чему-то вѣрило, въ пемъ еще жили какія-то неясныя надежды и никто не думалъ въ эти смутные, ужасные дни крушенія, что быть можетъ уже не придется больше увидѣть родную землю.

**

У художника Васнецова есть картина: «Витязь на распутьѣ». Ее всѣ знаютъ. Багровое небо; пустынное, бездорожное поле, заросшее густой высокой травой; разбросанные сѣрые камни и на самомъ горизонтѣ, въ багровыхъ отблескахъ, огромная черная, зловѣщая птица, летящая на встрѣчу.

Передъ витяземъ въ шлемѣ на бѣломъ могучемъ боевомъ конѣ бурый камень въ родѣ могильной плиты, около него лежитъ безглазый черепъ, обглоданный конскій костякъ и черные вороны сторожатъ поле.

Куда ни пойдешь, — вездѣ гибель, вездѣ подстерегаютъ опасности и несчастія, вездѣ таится смерть. И безрѣдной унылой тоской вѣетъ надъ этой заснувшей, покинутой землей.

Подобно этому одинокому древне-русскому витязю, остановившемуся на распутьѣ: «куда идти», — оказались и мы, воины бѣлой прекрасной идеи, бойцы за великую Россію.

Передъ нами также простирались какія то новыя невѣдомыя намъ дороги жизни; намъ также грядущее не сулило ничего добраго; потокъ, сорвавшій насъ съ родныхъ береговъ, влекъ къ новымъ далямъ, гдѣ, какъ зловѣщая черная птица, ожидали насъ нужда и горе.

И все это было бы мрачно до безотрадности, если бы въ душѣ не горѣло чувство жизни; если бы не освѣщало наше изгнаніе чувство внутренней духовной правды; если бы мы, подобно древне русскому витязю, не продолжали историческую традицію: борьбу съ погаными супостатами за русскую землю, за православленную вѣру, за святорусскіе обычаи сѣдой старины.

**

Изъ Константинополя потекли бѣженскіе ручьи по Ближнему Востоку, по Европѣ, и по всему Старому и Новому свѣту. На каменистыхъ, голыхъ, дикихъ, пустынныхъ берегахъ въ Галлиполи и на Лемносѣ, размѣстились воинскія части. День за днемъ, мы превращались въ «разсѣяніи сущихъ».

И вмѣстѣ съ тѣмъ, для всѣхъ, — для однихъ раньше, для другихъ позже, — встаетъ во весь ростъ настойчиво и неумолимо грозный вопросъ: «а какъ жить дальше?» Государственной казны нѣтъ, средства Командованія и Краснаго Креста быстро таяли и никто изъ государствъ не хотѣлъ брать на себя матеріальную заботу и попеченіе объ этихъ сотняхъ тысячъ русскихъ людей, потерявшихъ родину и ушедшихъ на чужбину.

Среди русскаго бѣженскаго моря была одна категория людей, судьба которыхъ сложилась особенно трагично. Это были военные инвалиды. Въ разное время ихъ вывезли на госпитальныхъ судахъ въ Болгарію, Константинополь, на Лемносъ, Кипръ, въ Египетъ, въ Грецію и въ Сербію. Одни еще лежали на лазаретныхъ кроватяхъ, другіе находились на скудномъ временномъ иждивеніи Краснаго Креста.

Положеніе этихъ людей было ни съ чѣмъ не сравнимо. Для однихъ, въ тяжеломъ больничномъ одиночествѣ, душевные терзанія сливались съ физическими болями. Въ бредовыхъ видѣніяхъ продолжалась война: лилась кровь, грохотали орудія, захлебывались пулеметы и неизменно въ ночныхъ кошмарахъ красные побѣждали, пораженіе заканчивалось отступленіемъ; смертельная усталость и душевное отчаяніе, какъ сѣрая лавина, надвигалась; давила и душила уставшихъ и изнемогшихъ.

Для другихъ, страшный вопросъ: «что дѣлать, какъ жить?», уже стоялъ вплотную на очереди. А чувства были утончены, нервы напряжены, впечатлительность обострена, и на сердцѣ, какъ камень, лежала тоска, безотрадность и боль. Начались самоубійства.

26 декабря по нов. ст. 1920 года, въ Софін, въ управленіи русскаго военнаго агента собралась инициативная группа, 24-ре искалѣченныхъ инвалидов, пришедшихъ изъ Александровской больницы.

Печалень были ихъ видѣ. На костыляхъ, безъ рукъ, съ прострѣленными легкими, съ поврежденными черепами, съ изувѣченнымъ тѣломъ. Въ кармафѣ ни копѣйки. Все имущество: натѣльный крестъ, окровавленная рубаха на память, англійскій френчъ и врангелевская шинель. Безъ языка, безъ знакомствъ, безъ специальныхъ познаній. Одни, одинокіе среди человѣческаго муравейника.

Казалось, въ этомъ мрачномъ, безотрадномъ и безнадежномъ положеніи легче было думать о способахъ, какъ прикончить эту страшную, неудавшуюся жизнь, чѣмъ бороться за ея продолженіе.

«Но стыдно теряться, говорилъ на этомъ собраніи старшій въ числѣ Полк. Абрамовичъ. Не для того прошли мы свой крестный путь, чтобы остановиться на распутьѣ. Я зову васъ къ новой борьбѣ, пока только за право на существованіе. Пусть не по душѣ, не по силамъ, но надо отстояться въ тихой гавани, пока не утихнетъ Россійская буря. Пусть будетъ нашимъ девизомъ: «Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного» и, быть можетъ, мы спасемся, помогая другъ другу».

Жизнь показала, какъ быть правъ этотъ блестящій боевой офицеръ, георгиевскій кавалеръ и выдающійся организаторъ.

Почти въ тѣ же дни декабря 1920 года въ Константинополь, въ помѣщеніи русскаго консульства состоялось первое организационное собраніе инвалидовъ. Оно постановило образовать Союзъ и избрало для руководства дальнейшей дѣятельностью правленія во главѣ съ генераломъ-отъ-кавалеріи Барановскимъ.

Въ началѣ 1921 года Главнокомандующій генералъ Врангель утвердилъ Центральное Правленіе и уставъ Союза русскихъ военныхъ инвалидовъ за границей.

Въ юль того же года скончался генералъ Барановскій и на его мѣсто былъ избранъ Генералъ-отъ-кавалеріи Н. Н. Баратовъ.

Съ этого времени началась упорная, настойчивая работа по организаціи многочисленныхъ инвалидовъ Константинопольскаго района, по созданію обще-

житій, мастерскихъ, полученію отъ американцевъ, англичанъ и французовъ различныхъ видовъ помощи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Баратовъ со свойственной ему живостью и энергіей принялся за пропаганду идеи объединенія всехъ инвалидовъ, разъясняемыхъ по свѣту.

«Въ единеніи — наше спасеніе» неустанно повторялъ онъ устно и пись-



Генералъ Н. Н. Баратовъ.
(Скончался 22 марта 1932 г.)

менно, въ частныхъ бесѣдахъ и на публичныхъ собраніяхъ, въ письмахъ и въ газетныхъ статьяхъ. И голосъ его не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Какъ стая разбитыхъ птицъ, скликались инвалиды изъ разныхъ концовъ разсѣянна, списывались, объединялись, группировались вокругъ центровъ и во взаимной поддержкѣ искали спасенія отъ голода безправія и духовнаго одиночества.

Возникли Союзы въ Болгаріи, Бельгіи, Германіи, Греціи, Польшѣ, Чехословакіи, въ Королевствѣ С. Х. С. и въ 1924 году во Франціи.

Въ 1922 году Генералъ Баратовъ началъ хлопоты о перевозѣ инвалидовъ

изъ Константинополя въ Болгарію и въ Сербію. Онъ совершилъ для этого двѣ поѣздки въ Бѣлградъ. Видѣлся съ Главнокомандующимъ, съ посломъ В. Н. Штрандманомъ, съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, со многими сербскими общественными дѣятелями.

Въ 1923 году желаніе его осуществилось и почти всѣ инвалиды были вывезены въ родственныя намъ балканскія страны.

Но не только за хлѣбъ насущный и за маленькое полуголодное существованіе боролся генераль Баратовъ и всѣ инвалидные дѣятели.

Надъ этой житейской борьбой всегда господствовала и ее освѣщала высшая идея, высшая цѣль, — борьба за Россію.

Въ своемъ дневникѣ на Новый 1922 годъ Н. Н. Баратовъ написалъ: «Неужели Господь не дастъ и въ тебѣ желаннаго счастья — избавленія нашей многострадальной Россіи отъ нага злодѣевъ-большевиковъ.

Пусть на чужбинѣ небо синее,
Пусть на чужбинѣ жизнь красна
И хорошо пусть на чужбинѣ,
Да все-жъ ЧУЖБИНА вѣдь она...

И свою тоску по Родинѣ, — онъ закончилъ увѣренностью въ ея воскресеніе:

Но жизнь перевернетъ кровавыя страницы
Россія не умретъ, она воскреснетъ вновь
И русскій богатырь возрастъ тогда сторицей
Друзьямъ и недругамъ за зло и за любовь»...

Встрѣчи обычной, лишеть датѣ генераль Баратовъ, традиціонной Нового Года, какъ и полагается въ нашемъ бѣженскомъ быту, конечно, не было, да и быть не могло.

Одна мысль, что уже пятый годъ идетъ, какъ страждетъ наша несчастная Мать-Россія подъ гнетомъ безумныхъ фанатиковъ, холодить сердце и умъ».

И такъ текли эти годы, полные надеждъ и тревогъ. «Смѣнялись люди, но идея и взятое направленіе оставались неизмѣнными и намѣченныя цѣли одна за другой, какъ верстовые столбы на длинной и нудной почтовой дорогѣ, постепенно все приближались, подходили вплотную и не задерживаясь уходили, уступая мѣсто новымъ цѣлямъ, многочисленнымъ до безконечности»...

Черезъ семь лѣтъ, родившись изъ небытія, изъ всесвѣтнаго бѣженскаго разсѣянія, въ обстановкѣ крушенія и полной безнадежности, инвалидные союзы окрѣпли, объединились вокругъ общаго центра и явилась, наконецъ, матеріальная возможность созвать первый Всеаграницный Съѣздъ.

Первый Съездъ

БЪЛГРАДЪ 17-21 АПРѢЛЯ 1927 Г.
(Записки).

I. ОТКРЫТІЕ СЪЗДА.

Сегодня открытіе нашего Съезда. Сегодня Вербное Воскресеніе, — праздникъ Вайи, праздникъ весны.

Въ воздухѣ разлита свѣтлая тишина. Стоитъ теплый, мягкій день. Чуть-чуть пронесется ласкающій сонный вѣтеръ. Голубое, прозрачное, бездонное небо юга и вся природа блещетъ и сияетъ солнцемъ и весенней радостью.

На улицахъ Бѣлграда праздничныя толпы народа. Вездѣ замѣтно оживленіе. Витрины магазиновъ полны всякой всячины и снѣди и все кругомъ бьетъ въ глаза и громко, краснорѣчиво говоритъ о приближеніи Пасхи.

Въ этомъ предпасхальномъ ритмѣ жизни сербскаго народа такъ ясно и опредѣленно чувствуется спокойствіе, довольство, полнота и старая довоенная патриархальность. Гроза пронеслась, постепенно залечиваются раны и забываются горе и слезы войны.

Сербы вступили въ новый, золотой періодъ своей исторіи. На нашихъ глазахъ произошло чудо созданія мечомъ и кровью поваго Объединенія Королевства. Точно на яву произошла волшебная сказка. Исторія перевернула страничку многовѣковой кровавой борьбы за обладаніе Балканскимъ полуостровомъ. И будетъ это время для потомства овѣяно красивѣйшей героической легендой.

♦♦

Мы шли по широкой нарядной улицѣ Краля Милана, — самой оживленной улицѣ Сербской столицы.

Противъ Королевскаго дворца у русскаго посольства мы увидѣли Н. Н. Баратова. Онъ рѣзко выдѣлялся среди толпы своимъ необычнымъ видомъ. На немъ была парадная черная черкеска, перегнута тонкимъ ремненнымъ поясомъ съ серебрянымъ клижаломъ и бѣлая барашковая папаха.

Опираясь на палку и слегка прихрамывая, онъ шелъ на открытіе Съезда въ Сербское военное собраніе. Его сопровождалъ кто-то изъ инвалидовъ.

Импозантный видъ, красивое внушительное лицо съ сѣдой бородкой слегка восточнаго кавказскаго типа. — все говорило за то, что этотъ человекъ занимаетъ, или занималъ въ прошломъ, на общественномъ лѣстницѣ очень высокое мѣсто. И сербы почтительно давали ему дорогу. А онъ шелъ, какъ восточный ага — властелинъ, и его умные живые глаза смѣялись.

Николай Николаевичъ Баратовъ, генералъ-отъ-кавалеріи Россійской Императорской Арміи и георгіевскій кавалеръ, родился подъ счастливой звѣздой.

И, подобно звѣздѣ, прочертить онъ блестящій путь къ высокой карьерѣ и славѣ. Ему все удавалось въ жизни. Слава бѣжала впереди него. Въ расцвѣтъ силъ онъ уже занималъ отвѣтственный постъ — Командующаго войсками Персидскаго фронта.

— Господь намъ помогаетъ, а нашъ небесный патронъ, Святитель Николай Угодникъ намъ покровительствуетъ, — сказалъ Николай Николаевичъ, широко улыбаясь. Смотрите, какой день, какое солнце. Это для насъ, чтобы радостнѣе чувствовала душа...

Въ глазахъ у него свѣтилися искорки глубокаго удовлетворенія. Онъ радвался солнцу, какъ дитя.

— Когда человѣку не на кого больше надѣяться и некого просить на землѣ, то всегда можно просить на небѣ; тамъ скорѣе услышатъ.

Генераль Баратовъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ.



Военное собраніе. Масса народу. Мелькаютъ военные мундиры среди штатскихъ костюмовъ.

— Сегодня для меня свѣтлый день, — началъ свою рѣчь генераль Баратовъ, открывая Съѣздъ. — День радости и день гордости.

Я радъ, что вижу съѣхавшихся сюда изъ разныхъ концовъ русскаго разсѣянія моихъ боевыхъ соратниковъ. Сегодня мы празднуемъ завершеніе долгихъ усилій и многихъ устремленій, требовавшихъ большаго упорнаго труда, на пути ко всеобщему инвалидному объединенію.

Здѣсь представлены делегаты изъ Франціи, Греціи, Германіи, Чехословакіи, Болгаріи и Королевства С. Х. С. Здѣсь незримо присутствуютъ представители на-



Первый Съѣздъ.

нихъ Союзовъ въ Бельгіи, въ Польшѣ, въ Сеатлѣ и въ Шанхаѣ. Передъ моими глазами стоитъ сейчасъ все это воинство инвалидное, — несчастливыя и страстотерпыя, нашъ русскій паспортъ чести.

Я гордъ, что вижу здѣсь на нашемъ торжествѣ представителя братской германской сербской арміи — Военнаго Министра. Я счастливъ, что вижу представителя Его Святѣйшества Патріарха Сербскаго, представителей Народной Скупщины, Королевскаго Правительства, общественныхъ и политическихъ организацій и нашихъ дорогихъ соотечественниковъ.

Мы находимся въ странѣ, оказавшей русскимъ изгнанникамъ особенно сердечное, широкое гостепримство. Полтора года тому назадъ Народной Скупщиной былъ принятъ законъ о помощи русскимъ инвалидамъ. И всѣмъ нашимъ братьямъ, кто попалъ въ эту прекрасную страну, Правительство носильно приходитъ на помощь.

Здѣсь въ объединенномъ государствѣ, все живетъ и дышетъ любовью къ Монарху, Его Величеству Королю Александру. Это имя для насъ священо. И я съ восторгомъ провозглашаю: «Живію Краю Александру!».

РАБОТА СЪѢЗДА

Послѣ обѣда 16 апрѣля въ зданіи Бѣлградскаго университета начались за-